
ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2

*В.А. Конев****МОДУСЫ СУБЪЕКТИВНОСТИ В КУЛЬТУРЕ**

В статье вводится и рассматривается содержание понятия модусы субъективности в культуре. Утверждается, что модусы субъективности формируют направленность индивидуального действия человека. Они провоцируют активность, но не определяют конкретное содержание действия. Показано различие культуры постпросвещения и культуры просвещения.

Ключевые слова: модусы субъективности в культуре, ценность, субъект, активность, человек, культура Просвещения, культура постпросвещения.

Завораживающее чтение одной из самых таинственных книг постпросвещенческой культуры «Хазарского словаря» Милорада Павича ввергает читателя в самый центр водоворота современной культуры. Роман-лексикон своим строением и таинственной ясностью своего паралогического содержания прямо демонстрирует читателю современное культурное состояние. Словарь не представляет собой целостного текста, который может читаться слово за словом, предложение за предложением, но «Хазарский словарь», хотя и *словарь*, все-таки *роман-лексикон*, который не может не иметь целостности текста и смысла. Так, и современная постпросвещенческая культура, как роман-лексикон М. Павича, все больше распадается на отдельные фрагменты, теряя свойства больших нарративов, но она все же остается культурой, т. е. неким единством текстов, текстом текстов.

Чем держится ее единство?

«Классические» культуры (назову так культуры, которые существовали в истории до начала XX века) — это культуры определенные, цельные, системные, упорядоченные. Их единство держалось на господстве в них смыслового Центра — это Бог, Идеал, единое представление о Должном, Прекрасном. Конечно, как писал Чернышевский, красота для обитателя благополучного дворянского гнезда или крестьянина была различной. Но и там, и там признается, что красота — это достоинство. Конечно, в каждой национальной культуре есть две культуры, как говорил Ленин, но и там, и там порядок строился вокруг Добра, Долга и Справедливости.

* © Конев В.А., 2014

Конев Владимир Александрович (vakonev37@mail.ru), кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

А вот в современной культуре «распалась связь времен».

В ней нет порядка.

Нет Долга не потому, что для одного он один, для другого – другой, а для третьего – совсем иной. А потому, что сам Долг утратил регулятивный смысл, и если кто-то может говорить о долге, то другие вообще всякий долг отрицают и заявляют – «Бери от жизни все!»

Нет Красоты как центра. И снова не потому, что для одного – это красота томного лица и хрупкость, а для другого – пышность и полнота. А потому, что для кого-то вообще нет красоты, а есть только распад, гниль, падаль, экскременты. Хранитель красоты в культуре – искусство утратило бывшее эстетическое содержание. Культура перестала нести в себе Идеал, перестала быть организованной вокруг Идеала, перестала быть Портретом Идеальной судьбы. Если раньше все смотрели в одну сторону – на сцену Идеала, то нынче нет единой перспективы. Взор каждого блуждает по своим траекториям. Бог умер, заявил Ницше, а вскоре последовала и смерть субъекта, ибо что такое трансцендентальный или социальный субъект, как не аналог Бога? А затем, согласно Мишелю Фуко, и смерть Человека. И конкретный индивид, который прежде всегда находил содержательную подсказку в культуре, оказался лишенным культурной опеки, так же как читатель «Хазарского словаря», привыкший к классической форме романа, оказался в понимании произведения, лишенным опоры на классическую последовательность повествования.

Так что же делать человеку в современной культурной ситуации, когда культура ушла (или уходит) от абсолютов и определенных наставлений?

Если идеальный субъект культуры, универсальный субъект социальных и политических действий, морали и даже познания умер, а жизнь все-таки продолжается, значит, миссию субъекта, миссию активного, энергичного действия должен взять на себя конкретный индивид. В таком случае культура становится не предъявлением нужного содержания действия, а предъявлением возможных направлений активности реального субъекта, возможных форм личностного, индивидуального действия. Культура берет на себя функцию провокации действия, призыва к нему. Этому и служат особые культурные образования – модусы субъективности или способы формирования направленности действия человека. Они всегда присутствовали в культуре, но их проявление раньше было скрыто за тем содержанием действия, которое, как определенный пример, давалось в культуре и которое реализовывал конкретный человек.

К таким модусам субъективности относятся, например, культурные представления о МЫ, ОН, Я, ТЫ, которые указывают на носителя активности. Эти модусы субъективности формируются как выражение абстрактного содержания универсальных культурных форм, которые используются всеми культурами для представления своего содержания – форм демонстрации, императивных форм, аксиологических форм и форм-принципов [1, с. 14–21; 2, с. 215–223]. В современной культуре представление о каждом из этих модусов субъективности и их взаимодействии существенно трансформируется. «МЫ» традиционной культуры и общества со стабильной социальной стратификацией сменяется спонтанным и подвижным «МЫ», крайним выражением которого является флешмоб – мгновенная толпа. Такое «МЫ» выстраивается из «Я», которое сознательно и специально подчиняет себя некоему общему делу, но часто не имеющему никакой конкретной общественной цели. Свой статус имеют «МЫ» социальных сетей Интернета, «МЫ» фанатов и т. п. Особое содержание приобретает субъективность первого лица – «Я». Если для культуры модерна «Я» было результатом выбора, то для постпросвещенческой культуры «Я» выявляет себя скорее в демонстрации, чем в выборе, это подиумное «Я». А «ТЫ» – это не тот, за кого отвечают

(«мы в ответе за тех, кого приручили»), а тот, кто увлекается «Я», кто входит в сферу влияния «Я».

Модусами субъективности выступают и модусы чувственности, универсальные чувства, формируемые культурой: любовь, вера, надежда, чувство мысли (мудрость). Каждое из этих чувств вырастает из определенной логики универсальных культурных форм и определяет направленность активности человека. Каждое из этих чувств претерпевает изменение в процессе смены культурной парадигмы. Наиболее очевидные изменения в культуре XX–XXI веков произошли в сфере любви. Фрейдизм, сексуальная революция, феминистское движение, достижения медицины изменили как понимание, так и практику любовных отношений. Поведение человека в этой сфере стало значительно свободнее и разнообразнее. Изменение в переживании отношения к абсолютному началу (вера) также характеризуется расширением сферы действия этого чувства – это не только область сакрального, но и другие области жизни человека (мир СМИ, рекламы и т. п.). Можно утверждать, что аналогичные изменения происходят и в содержании других форм чувственности, которые культивируются в культуре.

К модусам субъективности в культуре относятся и основные содержательные ценности – эстетические, сакральные, нравственные и познавательные. Личностная, энергичная сила ценностей заключена в их направленности на создание ситуации выбора. Действительно, где и когда обнаруживает себя ценность? В выборе. Ценность как универсальная культурная форма, но не как конкретное содержание, говорящее о своем ценностном смысле (например, вот красота, вот благо), а именно как присущий всем зрелым культурам способ приобщения к культурным содержаниям (значениям, смыслам), культивирует опыт выбора, опыт собственного решения субъекта, ориентированного на утверждение определенного состояния. В ситуации выбора конституируется *Я* действующего человека, ибо если ценности даются, то выбор между ними должен быть сделан самим человеком, что с неизбежностью ставит его перед самим собой, открывает ему его *Я*. Поэтому ценность всегда утверждается индивидуальным актом даже тогда, когда ее содержание не выходит за границы уже устоявшихся в культуре значений. Благодаря тому, что способом существования ценности является ее утверждение индивидуальным актом, для содержания ценности важно не столько *ЧТО* ею утверждается, сколько *КТО* утверждает, так как за это утверждение всегда есть ответственный, поэтому в ценности потенциально закреплен личностный акт. Ценность теряет свой смысл, если за ней нет конкретного действия.

Для современной культуры это *КТО-стоит-за-ценностью* особо значимо, поскольку в ценностном выборе выделяется прежде всего именно сама *ситуация* выбора, а тем самым особо акцентируется, с одной стороны, действующий субъект, то *Я*, относительно которого организуется ситуация, а с другой – *время* решения, ибо *Я* действует всегда в настоящем, всегда поступает *a recentiori* (из настоящего, более свежее). Культурная сила ценности заключена в том, что своим действием она преобразует *эту* ситуацию и *это теперь* в историю. Эту способность ценности отмечал Ф. Ницше, характеризуя сущность ценности. В 715 фрагменте «Воли к власти» он пишет: «Точка зрения “ценности” – это точка зрения *условий сохранения, условий подъема* сложных образований с относительной продолжительностью жизни внутри процесса становления» [3, с. 429]. (Курсив Ницше, подчеркнуто мною. – В. К.). Есть сложная структура – общество или личность, эта структура находится в процессе постоянного становления, она не вечна, и поэтому не может оказаться в состоянии полной реализации своих целей, но для *сохранения* себя как *определенной* структуры и для поддержания своих усилий, направленных на постоянный *подъем внутри* процесса становления, который ориентирован на достижение полноты своего бытия, нужны определенные

условия — это и есть ценность. В ценности объективировано время, которое становится реальностью, когда ценностный смысл реализуется в человеческих деяниях. Точнее даже, не объективировано, а воплощено, сгущено, сконцентрировано, законсервировано, упаковано, поэтому ценности *временсны* и *временочивы* (М. Эпштейн). Они источают время, питают человека временем. Ценность — это устремленность, это перспектива, это *точка зрения* на себя с позиции *определенности*, можно сказать, вечности (*sub specie aeternitatis*), в конце концов, это преобразование относительности в абсолютное, относительного времени жизни (пустого «теперь», которое сменится другим «теперь») в качественное состояние, в судьбу.

И судьба — это еще один модус субъективности в культуре. В традиционных культурах судьба напрямую несла в себе содержание субъективного деяния; в культуре Просвещения она представляла силу внешней детерминации субъективного действия объективными условиями и переживалась как отчуждение человека от собственной сущности и подчинение его тем силам, которые воплощены в созданных самим человеком вещах и отчужденным от него (К. Маркс, Э. Фромм). Эта тенденция в развитии культуры модерна, в конце концов, и привела к смерти субъекта, к ситуации, названной Альтюссером «децентрированием субъекта». Для культуры постпросвещения модус судьбы преобразуется в модус свободы, не случайно Жан-Поль Сартр говорит: «Человек *обречен* на свободу». Свобода, как известно, всегда вставала в оппозицию к предначертанию, но последнее слово неуклонно оставалось за судьбой — Эдип своими свободными действиями старался противопоставить себя судьбе, но тем только способствовал ее реализации, а Грегор Замза, превратившийся в странное насекомое, свободен только думать и только в мысли противопоставлять себя господствующей в нем и над ним реальности. Но вот современная цивилизация создает возможности, а современная культура утверждает не только примат свободы над судьбой, но именно свободу во всех ее проявлениях принимает как основание жизни человека. Сложным философским языком это выражается так: «Вся человеческая реальность — это страсть, проект потерять себя, чтобы основывать бытие и тем самым конституировать В-себе, которое ускользает от *случайности*, являясь *своим собственным основанием* *Ens causa sui*, которое религии именуют Богом» [4, с. 616]. (Курсив мой. — В. К.). А на языке рекламного слогана это звучит так: «Бери от жизни все!» В повседневной жизни человека свобода как судьба предстает в виде многообразия конкретных экзистенциальных ситуаций, в которых человек прочерчивает свое поведение. И от того, какую черту он проведет, что примет, а что отделит этой чертой, он определит, а тем и предопределит (поставит *предел*) свою жизнь. К. Ясперс связывал это с особыми ситуациями, которые он назвал пограничными ситуациями, где случай становится неотъемлемой частью жизни человека. Г. Марсель, разясняя мысль Ясперса, писал: «Пограничная ситуация проясняется лишь благодаря своего рода присвоению случая, благодаря чему я его превращаю в мой. Мои обстоятельства и я, мы поддерживаем друг друга, не позволяя нам действительно расстаться. Моя судьба перестает быть мне чуждой. Я ее люблю, как люблю самого себя» [5, с. 185–186]. Но я бы различил обстоятельства действия и ситуацию: обстоятельства определяют направленность действия, которое закрепляет их и сохраняет, а ситуация требует преодоления, выхода за..., направлена на новое распределение ресурсов и т. п. Этот второй тип условий и порождает свободное действие, которое реализуется в прочерчивании границ своей жизни. В этом случае человек оказывается не просто представителем определенной культуры, реализующим ее опыт и смыслы, он творит культуру, ибо суть культуры — вводить разграничения, прочерчивать границы, организующие пространство смысла.

Если традиционные культуры да и новоевропейская культура культивировали прежде всего поведение в типичных обстоятельствах, то современная культура ориентирует

человека именно на действия в неожиданных ситуациях. Эта особенность современной культуры со всей очевидностью проявляет себя в искусстве: если реализм ново-европейской культуры стремился к «верности воспроизведения типичных характеров в типичных обстоятельствах», то современное искусство — это искусство провокаций, оно стремится выбить зрителя из привычного ряда понимания и восприятия действительности. Это искусство конструирования ситуаций, когда инсталляции, перформансы, хэппенинги лишают зрителя традиционной позиции созерцателя, превращая его в персонажа некоего выстроенного мира. И, конечно, роман-лексикон Милорада Павича, который с поразительной точностью фиксирует тональность поведения и существование человека в современной культуре. Как «Хазарский словарь» перестал быть последовательным повествованием жизни героев, превратив свой текст в гипертекст, в систему перекрестных ссылок, провоцируя читателя на постоянное перелистывание страниц туда и обратно, так и современная культура предстает перед человеком необъятной групповой фотографией, представляющей разом человеческие судьбы разных времен и народов, зовом, в котором нераздельно звучат голоса разных призывов, пещерой Алладина, поражающей взор человека сверканием различных ценностей. И человек под знаком этой культуры должен суметь САМ определить свою жизнь.

Модусы субъективности входят в структуру любой культуры, они, как и универсальные культурные формы, обеспечивают возможность ее функционирования. Но если для всех существовавших ранее исторических типов культуры модусы субъективности дополнялись еще и указанием на прямые образцы субъективности (идеалы личностного развития), на которые и ложилась основная тяжесть «программирования» субъективности, то в современной культуре именно модусы субъективности несут в себе программу субъективного начала. Конечно, в любой реальной культуре (русской, французской, польской etc.) создаются и живут различные культурные произведения, в том числе и представляющие определенные образцы личностного развития, но любая национальная культура современности европейской традиции (оставим в стороне культуры других традиций) вступила или вступает в этап постпросвещенческой культуры. В культуре нового типа образ человека культуры (а культура всегда его несет в себе) растворен во всех ее проявлениях, как мифический Адам Кадмон рассеян в снах людей, о чем повествует «Хазарский словарь» Милорада Павича. И как ловцы снов из романа-лексикона ныряли в сны людей, пытаясь по крупичкам извлекать тело Адама Кадмона из воображаемого в снах людей мира, так и каждый из нас воплощает своими действиями большими и малыми заключенные в нашей культуре потенции человека. Нет привилегированного субъекта, нет стандарта, хотя всемогущая сила современной культуры — реклама — всеми силами старается его утвердить, но благодаря своему многоголосию (конкуренция!) она и разрушает его. Нет единой для всех судьбы, но есть «процессуальный субъект» (Ю. Кристева), который вырастает из модусов субъективности культуры. Есть каждый из нас как самостоятельная частичка культурного Адама Кадмона.

Выдвижение на первый план в структуре культуры различных модусов субъективности, а не содержательных характеристик субъекта, создает условия для проявления активности конкретного индивида, провоцирует его индивидуальное поступание. Так смерть универсального субъекта в культуре обернулась рождением «субъекта» конкретного действия, имеющего свое собственное лицо, независимое от его противопоставления какому-либо объекту. И тем самым впервые в истории зарождается такая социальность, которая конституируется различием индивидуальностей, а не типичностью ролевого поведения.

Библиографический список

1. Конеv В.А. Категории культуры // Мир русского слова. 2006. № 4.
2. Конеv В.А. Социальная философия. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006.
3. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. СПб.: Издательский Дом «Азбука классики», 2006.
4. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М.: Изд-во «Республика», 2000.
5. Марсель Г. Фундаментальная ситуация и пограничные ситуации у Карла Ясперса // Марсель Г. Опыт конкретной философии. М.: Изд-во «Республика», 2004.

References

1. Konev V.A. Categories of culture // Mir russkogo slova. 2006. № 4.
2. Konev V.A. Social philosophy. Samara: Izdatelstvo "Samaraskiy universitet", 2006.
3. Nietzsche F. Der Wille zur Macht. Experience of revaluation of all values. SPb.: Izdatelskiy Dom "Azбуka klassiki", 2006.
4. Sartre J.-P. L'Être et le rien. M.: Izdatelstvo "Respublika", 2000.
5. Marsel G. Fundamental situation and boundary cases at Karl Jaspers // Marsel G. Experience of particular philosophy. M.: Izdatelstvo "Respublika", 2004.

*V.A. Konev**

MODI OF SUBJECTIVITY IN CULTURE

The content of the notion of modi of subjectivity in culture is introduced and analyzed in the article. It is stated that the modi of subjectivity form the orientation of individual human actions. They provoke the activity of person, but do not determine the specific content of his action. The difference of culture of post-Enlightenment and culture of the Enlightenment is shown.

Key words: modi of subjectivity in culture, value, subject, activity, person, culture of the Enlightenment, culture of post-Enlightenment.

* *Konev Vladimir Alexandrovich* (vakonev37@mail.ru), the Dept. of Philosophy of Humanitarian Faculties, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.